РАЗДЕЛ 1. ЖУРНАЛИСТСКАЯ РАБОТА ПИСАТЕЛЯ

Г.С. Лапшина, кандидат филологических наук, доцент кафедры истории русской журналистики и литературы факультета журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова; e-mail: lapgal@pochta.ru

«И МЕЖДУ ТЕМ Я... ЛИТЕРАТОР»[1] (в связи с одним прошедшим юбилеем одного пошехонского литератора)

Статья ставит целью вернуть интерес к творчеству М.Е. Салтыкова-Щедрина, к мощному созидательному началу его сатиры. В ее основе лежат высокие идеалы, которые выводят творчество Щедрина за узкие рамки сатиры и придают ей широкое публицистическое звучание. Это дает возможность называть его «литератором» в том всеобъемлющем смысле, какой вкладывали в это слово современники Салтыкова-Щедрина и он сам.

Ключевые слова: *литератор, идеалы, Отечество, гуманизм, человек, преданность литературе, стыд, совесть, непреходящие ценности, современность.*

The article is aimed at bringing back the interest to the works of M.E. Saltykov-Shchedrin, to the powerful and creative fundaments of his satire. In its basics lie the high ideals, which extend the works of Schedrin beyond the narrow scope of satire and give them the wide social perception. This fact allows naming Schedrin a "literary man" in that comprehensive meaning, which was put in these words by Schedrin and his contemporaries.

Key words: *literary man, ideals, fatherland, humanism, human, devotion to literature, shame, conscience, eternal values, modernity.*

Нельзя сказать, что в России позапрошлого века вовсе не было слова *журналист* как понятия, обозначающего не только оплачиваемую *профессию*, но и столь же высокодуховное, отмеченное особым творческим талантом явление, как и писатель. Ярче всего об этом в свое время сказал, пожалуй, Белинский в очерке «Николай Алексеевич Полевой», подчеркнув в качестве главного составляющего такого понимания журналиста — данное от природы призвание, а не расчет[2]. И все же наиболее типично для отече-

[1] *Салтыков-Щедрин М.Е.* Собр. соч.: В 20 т. Т. 12. М., 1971. С. 645. Так писал Салтыков-Щедрин в незавершенной статье 1879 г., начинавшейся словами: «Говоря по правде, положение русского литератора нельзя назвать ни блестящим, ни даже благоприятным. Напротив того, это одна из самых непрочных, воздушных и низменных профессий, какие только существуют на свете <...> русский литератор как будто тем одним озабочен, как бы остаться в живых, а затем уж и тем, как бы, между страхами, что-нибудь шепнуть. <...> Разумеется, я говорю о литераторах убежденных и честных...» (С. 641—642).

[2] См.: *Белинский В.Г.* Полн. собр. соч.: В 13 т. Т. IX. М., 1955. С. 682, 692—693.

ственной культуры этих лет широкое понятие *литератор*, оно есть и в упомянутой статье Белинского: «[Полевой] был литератором, журналистом и публицистом...»[3]. Литератор — это деятель того единого широкого печатного пространства, где, как подчеркивал критик в подцензурном очерке, «главным предметом» является «искание истины»[4], а Герцен, получивший возможность говорить свободно, видел в нем «единственную трибуну, с высоты которой» «народ, лишенный общественной свободы», «заставляет услышать крик своего возмущения и своей совести», и именно это пространство называл *литературой*[5].

Великий Салтыков-Щедрин, 185-летний юбилей которого столь скромно был отмечен в прошлом году, именовал страну, где единственной гласной трибуной стала литература, *Пошехоньем*, и ее «коренной литератор, у которого не было иной привязанности, кроме общения с читателем», кроме желания «расточать» для него «сокровище своей души», назывался здесь *Крамольниковым*[6].

Какое же сокровище хранил в своей душе Крамольников-Щедрин, с такой болью упрекавший себя в конце пути, что «не самоотвергался», что протест лился только из-под его пера[7], и «читатель, который ценил, а быть может, и любил его... был далеко»[8]? Крамольниковым его делала «вера в чудеса»... Если принять эту веру за основополагающее начало в таком литераторе, можно ли называть его сатириком, т.е. был ли Щедрин сатириком в том расхожем смысле, когда под сатирой подразумевают только разрушение? Да, почетную ненависть своих врагов Салтыков заслужил именно тем, что они воспринимали его творчество как опасное оружие, направленное на основы их благополучного существования. Откликаясь на смерть Щедрина, «Московские ведомости» сравнивали его произведения с подпольными листками и бомбами террористов[9], а начальник Главного управления по делам печати М.П. Соловьев отмечал: «С появлением каждой новой вещи Щедрина валился целый угол старой жизни... Явление, за которое он брался, не могло выжить после его удара. Оно становилось смешно и позорно. Никто не мог отнестись к нему с уважением. И ему оставалось только умереть»[10]. Властей имущих справедливо страшил его смех. Но в этом был далеко не весь Щедрин. Его современница,

[3] *Белинский В.Г.* Указ. соч. Т. IX. С. 693.

[4] Там же.

[5] *Герцен А.И.* Соч.: В 9 т. Т. 3. М., 1956. С. 443.

[6] *Салтыков-Щедрин М.Е.* Указ. соч. Т. 17. С. 198.

[7] Там же. С. 205.

[8] Там же. С. 204.

[9] Литературное наследство. Т. 13—14. М., 1934. С. 236.

[10] Цит. по: *Макашин С.* «Сатиры смелый властелин» // Салтыков-Щедрин М.Е. Собр. соч.: В 10 т. М., 1988. Т. 1. С. 4.

бывший редактор газеты «Неделя» лучших лет, Е.И. Конради писала в № 1 журнала «Новое обозрение» за 1881 год, что «видеть в с е г о Щедрина в этом хохоте значит просто похеривать многие, и притом лучшие, страницы в его произведениях», где «честным лицом» выступает «незамаскированная человеческая совесть и без обиняков ведет свои строгие речи»[11].

Сатира Салтыкова-Щедрина несла в себе мощное созидательное начало, и в этом смысле она и не сатира вовсе, а публицистика в самом широком и глубоком ее смысле, как особый вид творчества, где при размышлении автора над событиями общественной жизни отчетливо звучит его страстный голос; это огромный пласт пространства, называемого Герценом литературой.

Что делало Щедрина созидателем, без чего вообще невозможно созидание? У alter-ego Салтыкова, литератора Пошехонья Крамольникова, «как у всякого убежденного и верящего человека», «был внутренний храм»[12], у него были *идеалы*.

Присутствие идеалов в миросозерцании литератора было для Щедрина главным. Именно это, по его мнению, определяло ценность творчества, смысл и значение литературной деятельности. Он написал об этом в некрологической заметке «И.С. Тургенев»: «Тургенев был человек высокоразвитый, убежденный и никогда не покидавший почвы общечеловеческих идеалов. Идеалы эти он проводил в русскую жизнь с тем сознательным постоянством, которое и составляет его главную и неоцененную заслугу перед русским обществом. <...> Это были не какие-нибудь условные “добрые чувства”, согласные с тем или другим преходящим веянием, но те простые, всем доступные общечеловеческие “добрые чувства”, в основе которых лежит глубокая вера в торжество света, добра и нравственной красоты»[13].

Формирование собственных идеалов Салтыков-Щедрин связывал с временем 1840-х годов, когда он, будучи знакомым с Петрашевским с лицейских лет, посещал его «пятницы», где обсуждались самые животрепещущие вопросы, говорилось о социальной несправедливости, обсуждались идеи французских социалистов, о чем Щедрин так тепло вспоминал в цикле «За рубежом»: «С представлениями о Франции и Париже для меня неразрывно связывается воспоминание о моем юношестве, то есть о сороковых годах. Да и не только для меня лично, но и для всех нас, сверстников, в этих двух словах заключалось нечто лучезарное, светоносное, что́ согревало нашу жизнь и в известном смысле даже определяло ее содержание». Франция была для них страной «Сен-Симона, Кобе, Фурье, Луи Блана и в особенности Жорж Занда. Оттуда лилась...

---

[11] *Конради Е.И.* Соч.: В 2 т. Т. II. СПб., 1899. С. 431.

[12] *Салтыков-Щедрин М.Е.* Указ. соч. Т. 17. С. 198.

[13] Там же. Т. 9. С. 457—458.

вера в человечество, оттуда воссияла уверенность, что “золотой век” находится не позади, а впереди». И в России, в Петербурге, Салтыков «существовал только фактически», но «духовно» он «жил во Франции», потому что его волновали «великие принципы 1789 года» и все, «что́ оттуда проистекало», а провозглашение республики в феврале 1848 года сделало в его глазах Францию «страною чудес»[14].

Это время было дорого Салтыкову, потому что тогда «воистину существовала вера в чудеса». Да, «она действовала в сфере довольно ограниченной и не выходила из пределов очень тесного кружка», но члены этого кружка «пламенели, сгорали и чувствовали себя обновленными»[15].

Эта вера, эти идеалы останутся в его душе навсегда, но главным станет стремление «привнести чудо» в свое отечество. Как и Крамольников, Салтыков—Щедрин «глубоко любил свою страну, любил ее бедноту, ее злосчастие», он «горячо и страстно был предан своей стране и отлично знал как прошедшее, так и настоящее ее»[16]. Он видел ее жизнь не глазами праздного туриста, но он знал ее изнутри, прожив двадцать лет в провинции, которую называл школой великой, хотя и грязной. В «Убежище Монрепо» Щедрин признавался: «Я люблю Россию до боли сердечной и даже не могу помыслить себя где-либо, кроме России»[17], «болит сердце, болит, но и за всем тем всеминутно к источнику своей боли устремляется...»[18]. Он не мог смириться с тем, что для молодых бюрократов, «провиденциальных» мальчиков, отечество — это пирог, от которого каждый хочет урвать свой кусок. Он не уставал говорить о том, что «отечество — не пирог, а культ, дающий очень мало прав и налагающий много обязанностей», что «отечеству надлежит служить, а не жрать его»[19]. Полемизируя с теми, кто усматривал в его честных картинах жизни России, в его убежденности, что человек не «должен отказаться от прирожденного ему права быть судьей среды, в которой он живет»[20], в его горьких размышлениях о настоящем и будущем страны только «злорадство, в смысле патриотизма», Салтыков писал: «Я желал бы видеть мое отечество не столько славным, сколько счастливым — вот существенное содержание моих мечтаний на тему о величии России, и если я в чем-нибудь виноват, то именно только в этом»[21]. И чуть ниже разъяс-

---

[14] *Салтыков-Щедрин М.Е.* Указ. соч. Т. 14. М., 1972. С. 111—113.
[15] Там же. Т. 13. С. 535.
[16] Там же. Т. 17. С. 199, 200.
[17] Там же. Т. 13. С. 334.
[18] Там же.
[19] Там же. С. 417.
[20] Там же. Т. 12. С. 186.
[21] Там же. Т. 13. С. 334.

нял: «Что́ нужно нашей дорогой родине, чтобы быть вполне счастливой? На мой взгляд, нужно очень немногое, а именно: чтобы мужик русский, говоря стихами Державина, “ел добры щи да пиво пил”. Затем все остальное приложится». Только тогда станет богатой страна, в деревнях будут школы, и мужик поймет, что ученье — свет, у него появится досуг, и он будет вести «не прекратительную жизнь подъяремного животного, а здоровое существование разумного существа»[22], ибо не может быть великой страна, где, так точно названный Некрасовым, «сеятель и хранитель» России — русский мужик «беден всеми видами бедности, какие только возможно себе представить, и — что всего хуже — беден сознанием этой бедности»[23].

Щедрин был великим гуманистом, его публицистика устремлена к людям, она проникнута желанием спасти их души, вселить в них надежду, «поддерживать в них <...> инстинктивную жажду света», «напоминать, что жизнь есть радование, а не бессрочное страдание, от которого может спасти только смерть», ибо «не смерть должна разрешить узы, а восстановленный человеческий образ, просветленный и очищенный от тех посрамлений, которые наслоили на нем века подъяремной неволи»[24]. Наиболее четко он сформулировал главную цель своего творчества в цикле «Убежище Монрепо»: «Сказать человеку толком, что он человек, — на одном этом предприятии может изойти кровью сердце. Дать человеку возможность различать справедливое от несправедливого — для достижения этого одного можно душу свою погубить. Задачи разъяснения громадны и почти неприступны, но зато какие изумительные горизонты! Какое восторженное, полное непрерывного горения существование!»[25]. Мечта о прекрасном человеке сближала Щедрина с Достоевским, именно это стремление писателя представить читателю такой образ высоко оценил Салтыков в романе «Идиот»: «*По глубине замысла, по ширине задач нравственного мира*, разрабатываемых им, этот писатель (Ф.М. Достоевский. — *Г.Л.*) стоит у нас совершенно особняком. Он не только признает законность тех интересов, которые волнуют современное общество, но даже идет далее, вступает в область предведений и предчувствий, которые составляют *цель* не непосредственных, а *отдаленнейших исканий человечества*. Укажем хотя на попытку изобразить тип *человека, достигшего полного нравственного и духовного равновесия*, положенную в основание романа “Идиот”,— и, конечно, этого будет достаточно, чтобы согласиться, что это такая задача, перед которою бледнеют всевозможные вопросы о женском труде, о распределе-

[22] Там же. С. 336.
[23] Там же. Т. 7. М., 1969. С. 248.
[24] Там же. Т. 17. С. 200—201.
[25] Там же. Т. 13. С. 282.

нии ценностей, о свободе мысли и т. п. *Это, так сказать, конечная цель, в виду которой даже самые радикальные разрешения всех остальных вопросов, интересующих общество, кажутся лишь промежуточными станциями*» (курсив мой. — *Г.Л.*)[26].

Салтыков-Щедрин был литератором, слово (как ни укорял он себя, что боролся только им) оказалось для него, как и для его сотоварищей по демократической печати, наилучшим способом донести свои мысли, свои идеалы до тех, кто хотел его услышать. Страстная, исключительная преданность литературе, вера в ее животворящую мощь, о чем он писал в «Круглом годе», была обусловлена прежде всего тем, что именно литература способна передавать идеалы от поколения к поколению, это главное, ибо «трудно... жить без интересов идеального мира, так трудно, что, за недостатком настоящего света, человек хоть сальную свечку засветит и поставит перед собой!»[27] Отсюда щедринский гимн литературе, который прозвучал со страниц «Отечественных записок» в 1879 году: «Все, что мы видим вокруг нас, все в свое время обратится частью в развалины, частью в навоз, одна литература вечно останется целою и непоколебленною. Одна литература изъята от законов тления, она одна не признает смерти. Несмотря ни на что, она вечно будет жить и в памятниках прошлого, и в памятниках настоящего, и в памятниках будущего. Не найдется такого момента в истории человечества, про который можно было бы с уверенностью сказать: вот момент, когда литература была упразднена. Не было таких моментов, нет и не будет. Ибо *ничто так не соприкасается с идеей о вечности, ничто так не поясняет ее, как представление о литературе*. Мы испытуем вечность, мы стараемся понять ее — и большею частью изнемогаем в наших попытках; но вспомним о литературе — и мы, хотя отчасти, откроем тайну вечности!» (курсив мой. — *Г.Л.*)[28].

Литература — это определенный показатель уровня цивилизационного и духовного развития. Без нее страна «стоит вне общей мировой связи», а общество «не сознает себя обществом, а только беспорядочным сбродом индивидуумов»[29], это та самая трибуна, о которой когда-то писал Герцен.

Вместе с тем Салтыков-Щедрин отнюдь не закрывал глаза на проблемы литературы в разные эпохи, на стеснения, налагаемые на слово цензурой, на проникновение в литературу «современных проворных людей», с «несомневающейся целостностью», «для которых все уже до того паскудно ясно, что представление о рубле, в смысле привлекательности, уступает лишь представлению о та-

[26] *Салтыков-Щедрин М.Е.* Указ. соч. Т. 9. С. 412, 413.
[27] Там же. Т. 13. С. 460.
[28] Там же. С. 437.
[29] Там же. С. 457.

ковых же двух»[30]. Литература может погибнуть, если прекратится «вера в чудеса», тогда утратится вера «в животворящие свойства слова», тогда «значение этого слова» будет «умалено до металла звенящего»[31].

Для Щедрина дорога́ была литература 1840-х годов, как литература у*бежденная*, которая, «не зная никаких свобод, ежечасно изнемогая на прокрустовом ложе всевозможных укорачиваний <...> *не отказывалась от своих идеалов, не предавала их* и не говорила себе в утешение: жив курилка, не умер! Ибо “курилка”, собственно говоря, даже жив не был, а только едва-едва тлелся» (курсив мой. — *Г.Л.*)[32]. Но литература «не задохлась», ибо отыскала «идеалы добра и истины» и создала и «человечные предания», и «ту *честную брезгливость*, которые выделили ее из общего строя жизни и дали возможность выйти незапятнанною из-под ига всевозможных давлений». Идеалы могут со временем уже казаться недостаточными, но отношение к ним литературы, писал Салтыков-Щедрин, и доныне остается в высшей степени поучительным: «По крайней мере, я совершенно искренно убежден, что холодная остервенелость, которая ныне является единственным средством для оживления страниц и столбцов и для возбуждения в читателе вожделения, исчезла бы сама собой и дала бы место *стыду*» (курсив мой. — *Г.Л.*)[33].

Е.И. Конради не случайно написала, что голос Щедрина — это голос «незамаскированной человеческой совести». Нравственные идеалы — это важнейшая составляющая его кодекса чести литератора. В незаконченном очерке <«Когда страна или общество...»> он скажет: «Я говорю о стыде, все о стыде, и желал бы напоминать о стыде всечасно. По-моему, это главное. Как скоро в обществе пробужден стыд, так немедленно является потребность действовать и поступать так, чтоб не было стыдно. С первого взгляда этот афоризм кажется достаточно наивным, но он наивен только по форме, а по существу в высшей степени правилен и справедлив. *Стыд есть драгоценнейшая способность человека ставить свои поступки в соответствии с требованиями той высшей совести, которая завещана историей человечества*. И рабство тогда только исчезнет из сердца человека, когда он почувствует себя охваченным стыдом. Стыдом всего, что ни происходит окрест: и слез, и смеха, и стонов, и ликований» (курсив мой. — *Г.Л.*)[34]. Будучи реалистом, мастером

[30] Там же. С. 537.
[31] Там же. С. 535.
[32] Там же.
[33] Там же. С. 536.
[34] Там же. С. 640. О стыде Щедрин писал и раньше. Так, в частности, в цикле «В среде умеренности и аккуратности» он устами Глумова говорил: «Не будь стыда, ты нюхал бы миазмы современности и говорил бы, что пахнет розами» (там же. Т. 12. С. 263).

беспощадного анализа, Салтыков-Щедрин отдавал себе отчет в том, как во многом иллюзорно его желание, «чтоб чувство стыда перешло из области утопии в действительность», и все же не уставал «повторяться»: «Быть может, я никогда ничего не достигну в этом смысле, но ведь, по справедливости говоря, когда человек мыслит так или иначе, он очень редко имеет в виду, что из этого непременно должен выйти практический результат. *Он просто мыслит так, потому что иначе мыслить не может*» (курсив мой. — *Г.Л.*)[35]. Уже на пороге смерти Щедрин попытался дать последнее напутствие шедшим за его поколением новым литераторам — он начал писать «Забытые слова», но ослабевшая рука его выронила перо уже на первой странице. Мемуары современников свидетельствуют о том, что он хотел напомнить о непреходящих нравственных ценностях, запечатленных в таких простых словах, как *стыд, совесть, отечество, честь*[36]. Он уже говорил об этом раньше, в 1877 году, еще в преддверии победоносцевских восьмидесятых, когда союз хищничества и укрепившегося самодержавия сложится окончательно: «Бессовестность, заручившись союзом с невежеством и неразвитостью, выбросила на поверхность целую массу людей, которые до того упростили свои отношения к вещам и лицам, что, не стесняясь, возводят насилие на степень единственного жизненного регулятора <...> Прежде даже в среде самых отпетых людей можно было изредка расслышать слова, вроде: великодушие, совесть, долг; нынче эти слова окончательно вычеркнуты из лексикона торжествующих людей <...> Но даже если такое простое слово, как “совесть”, оказывается слишком тяжеловесным для современных диалогов, то какое же значение могут иметь слова более мудреные, как, например: любовь, самоотверженность и прочее?»[37].

Трудно что-либо добавить к этим словам Салтыкова-Щедрина, его бессмертные строки, которые не устаешь перечитывать снова и снова, его блестящие мысли, столь созвучные нашему времени, говоря словами столь же бессмертного Гоголя, пережили «эфемерность журнального существования»[38] и остаются одной из главных, непреходящих ценностей и для современных литераторов.

Поступила в редакцию
10.11.2011

[35] *Салтыков-Щедрин М.Е.* Указ. соч. Т. 13. С. 641.

[36] М.Е. Салтыков-Щедрин в воспоминаниях современников. М., 1957. С. 210, 269.

[37] *Салтыков-Щедрин М.Е.* Указ. соч. Т. 12. С. 249.

[38] См.: *Гоголь Н.В.* Собр. соч.: В 7 т. Т. 6. М., 1978. С. 170. Мы оставляем в стороне вопрос: насколько хорошо для нынешних нас это созвучие размышлений Салтыкова-Щедрина современности? Мы только говорим о том, каким великим провидцем он оказался.